

— Ничего страшного, — Цзян Янь всё же взял фрукты. Человек — существо такое: если не поест, то сил не будет, — Я не привередлив.

Но Се Жун чутко уловил в тоне Цзян Яня нотку разочарования.

Его пальцы невольно сжались, тонкие губы плотно сжались в линию. Он внезапно растерялся, не зная, что ещё сказать.

Цзян Янь с каменным лицом принялся жевать фрукт.

Невкусно.

Се Жун, чью полу халата Цзян Янь сжимал всё крепче, пробормотал:

— Я запомнил всё, что ты сказал. Завтра принесу.

Цзян Янь кивнул в знак одобрения.

Однако когда он доел всё до конца и обернулся, то увидел, что Се Жун всё ещё стоит на месте. Его выражение лица тонуло в тени, и разобрать его было невозможно.

Цзян Янь, пивший воду, внезапно замер.

Неужели...

Это ещё не всё?

Се Жун по взгляду Цзян Яня понял, о чём тот думает, и кончики его ушей, не скрытые маской, густо покраснели. Ещё мгновение назад он вёл себя так развязно, а теперь вдруг вспомнил, что такое стыд.

Почти в панике Се Жун отвернулся:

— Я приду завтра.

Цзян Янь остался сидеть в тишине, глядя на вторую спину, спешно удаляющуюся прочь.

Шэнь Вэньцы на следующий день, как обычно, отправился в пещеру.

С самого рождения он жил на Вершине горы Гуи Сюй и вырос там в одиночестве. Возможно, из-за того, что ему никогда не приходилось общаться с людьми, его характер был до крайности холодным, а любые вещи, не касающиеся культивации, не вызывали у него ни малейшего интереса.

Весь мир знал, что Достопочтенный Гуй Сюй любит тишину; он был отстранённым, словно небожитель, существом непостижимым.

Все эти годы в его памяти хранились лишь скучные и сухие для других техники да вечные снега Вершины горы Гуй Сюй.

Но теперь, возможно, к ним прибавилось кое-что ещё.

Кто-то, появившийся неведь откуда, чьё прошлое оставалось тайной.

Или, если быть точнее, он знал о множестве странных и удивительных массивов.

Когда он вошёл в пещеру, Цзян Янь беззаботно лежал на кровати, развалившись посередине.

Шаги Шэнь Вэньцы были бесшумны, его присутствие ощущалось едва ли не как пустота. Но Цзян Янь обладал невероятной бдительностью: в тот самый момент, когда Шэнь Вэньцы остановился у кровати, он тут же открыл глаза.

Шэнь Вэньцы не успел среагировать, как услышал резкий лязг цепей, волочащихся по полу.

Рука Цзян Яня уже взметнулась к шее Шэнь Вэньцы, но, услышав звон, он спохватился и медленно опустил её.

— А, это ты, — его голос, сонный и хриловатый, неожиданно заставил Шэнь Вэньцы почувствовать лёгкий зуд в ушах.

— М-м, — он поджал губы, бросил взгляд на цепи и, помедлив секунду, произнёс: — Если ты не будешь пытаться сбежать, я сниму эти цепи. Как тебе такая идея?

Разум Цзян Яня, только что пробудившийся ото сна, был всё ещё затуманен, поэтому он, не задумываясь, ответил:

— Хорошо.

Он протянул руку к Шэнь Вэньцы, и тот внимательно посмотрел на него. В следующее мгновение раздался щелчок — браслет разомкнулся, и этот звук наконец окончательно привёл Цзян Яня в чувство.

Цзян Янь: ...

С каменным лицом он тут же щёлкнул замком обратно.

Цзян Янь посчитал, что этот холодный на вид Достопочтенный оказался излишне добрым.

— Вообще-то, я должен был отправиться к Пагоде Футу, и это Достопочтенный спас мне жизнь. Если я буду вести себя так вольно, не навлеку ли я на него беду?

На самом деле он просто боялся, что люди Праведного Пути увидят, как он освободился от оков, и без лишних слов прикончат его.

Как тот человек в чёрном вчера вечером.

Хотя тот и вытворял странные вещи, в самом начале, когда он сжал его горло, в его глазах промелькнуло убийственное намерение.

Цзян Янь несколько не сомневался, что этот человек мог одновременно совершать действия интимного характера и с лёгкостью сломать ему шею.

Шэнь Вэньцы слегка опешил, услышав это, и лишь спустя несколько секунд ответил:

— Не беспокойся, пройдет максимум пара дней, и этим людям уже не будет дела до того, что с тобой происходит.

Цзян Янь кивнул.

Шэнь Вэньцы не мог придумать, что сказать дальше, и атмосфера немного сгустилась. Его кулаки едва заметно сжались, в глазах вновь мелькнуло раздражение.

Помолчав, он в конечном итоге лишь произнёс:

— Вчера ты упомянул, что можно менять расстановку, чтобы преобразовать потоки энергии... Я до сих пор не совсем понимаю этот момент.

...

В последующие дни Шэнь Вэньцы каждое утро приходил в пещеру, чтобы спросить Цзян Яня о вещах, связанных с массивами.

Однако постепенно странное чувство в его сердце становилось всё более явным — настолько, что он уже не мог так просто игнорировать его.

Шэнь Вэньцы не понимал, что означало это необъяснимое беспокойство. Он знал лишь одно: ему стало мало одного этого.

Мало просто слушать мягкий голос Цзян Яня, рассказывающий о массивах, которые раньше его так привлекали. Все эти причудливые построения вдруг стали не так уж важны. Впервые в жизни у Шэнь Вэньцы возникло желание узнать что-то, что лежало за пределами культивации.

На четвёртый день он впервые по собственной воле спустился с горы.

Шэнь Вэньцы редко покидал её. Если только в мире боевых искусств не происходило чего-то значимого, заставлявшего его выйти, он почти всегда оставался один на горной вершине.

Шэнь Вэньцы никогда не считал это одиночество тягостным. Или, скорее, он сам по себе не выносил шума.

У подножия горы жили ученики Секты Гуй Сюй — в основном те, кто недавно вступил в секту, народ довольно бойкий. Увидев Шэнь Вэньцы, они вытаращили глаза, словно увидели, как мертвец восстал из могилы.

Чу Сяобао был среди них.

В детстве он уже видел Шэнь Вэньцы, хотя Шэнь Вэньцы, конечно, не обратил на него внимания. В то время их родные края страдали от набегов разбойников, и присланные императорским двором чиновники ничего не могли с этим поделать. Разбойники не желали идти на мировую и целыми днями разоряли окрестности.

Семья Чу Сяобао по вечерам запирала все двери наглухо, не смея выйти, даже если слышала какой-то шум. Пока однажды бандиты, будто обезумев, не сожгли их поля и не угнали весь скот, запертый на заднем дворе.

В тот вечер отец сидел перед домом и всю ночь молча пил вино.

А через несколько дней пришёл Шэнь Вэньцы.

Он был похож на настоящего небожителя. Чу Сяобао не мог подобрать слов: глаза и губы не способны были передать облик бессмертного. Как же описать его? Его взгляд был холодным, одежды — холодными, меч — холодным. Да, именно так и выглядят небожители.

Божеству понадобился всего один взмах меча, и он даже не повёл бровью. Чу Сяобао изо всех сил старался не моргать, но всё равно, казалось, пропустил самый важный момент.

<http://bllate.org/book/29021/3528708>